

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ, ПРИМЕНЯЮЩИХ НАСИЛИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕБЕНКУ

Васягина Наталия Николаевна,

SPIN-код: 2704-0840

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования, Уральский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Екатеринбург, vasyagina_n@mail.ru

Градинар Екатерина Васильевна,

SPIN-код: 3860-3543

старший преподаватель кафедры психологии и социальных наук, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Российская Федерация, г. Якутск; аспирант, Уральский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Екатеринбург, kasic95@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семейное воспитание; подростки; родители; детско-родительские отношения; насилие над детьми; жестокое обращение с детьми; семейное насилие; методы диагностики

АННОТАЦИЯ. В данной статье описаны основные психологические особенности детско-родительских отношений, характерные для семей, применяющих насилие по отношению к детям. В исследовании приняли участие 106 семей. Возраст детей – младшие подростки от 11 до 14 лет. Возраст родителей – от 32 до 61 года. Для диагностики особенностей детско-родительских отношений применялся опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» (И. М. Марковская), позволяющий оценить такие параметры, как эмоциональная близость, уровень контроля, степень конфликтности и другие аспекты взаимоотношений. Выявление фактов насилия в семье осуществлялось с помощью международного опросника ICAS (International Child Abuse Screening Tool), направленного на фиксацию различных форм жестокого обращения (физического, эмоционального, пренебрежения нуждами). Статистическая обработка данных проводилась с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни, что обусловлено особенностями распределения переменных и необходимостью сравнения независимых выборок. Результаты исследования выявили значимые различия в детско-родительских отношениях между семьями, применяющими насильственные методы воспитания, и семьями с конструктивными паттернами взаимодействия. Для матерей, использующих насилие, характерны более низкие показатели субъективной удовлетворенности отношениями с подростком, авторитетности. Для отцов, использующих насилие, характерны низкие показатели по параметру строгости, что говорит об отсутствии норм, правил и границ в отношении с подростком. Полученные в ходе исследования данные могут быть положены в основу разработки программ психолого-педагогической помощи родителям в программах превенции насилия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васягина, Н. Н. Особенности детско-родительских отношений в семьях, применяющих насилие по отношению к ребенку / Н. Н. Васягина, Е. В. Градинар // Педагогическое образование в России. – 2026. – № 1. – С. 294–301.

PECULIARITIES OF PARENT-CHILD RELATIONSHIPS IN FAMILIES THAT USE VIOLENCE AGAINST CHILDREN

Vasyagina Natalia Nikolaevna,

Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of Psychology of Education, Ural State Pedagogical University, Russian Federation, Ekaterinburg

Gradinar Ekaterina Vasilievna,

Senior Lecturer of Department of Psychology and Social Sciences, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Russian Federation, Yakutsk; Postgraduate Student, Ural State Pedagogical University, Russian Federation, Ekaterinburg

KEYWORDS: family education; adolescents; parents; child-parent relations; child abuse; child abuse; family violence; diagnostic methods

ABSTRACT. This article describes the key psychological characteristics of parent-child relationships characteristic of families that abuse children. The study involved 106 families. The children were young adolescents, aged 11 to 14. The parents ranged in age from 32 to 61. To diagnose the characteristics of parent-child relationships, the "Parent-Child Interaction" questionnaire (I. M. Markovskaya) was used, which allows for the assessment of such parameters as emotional closeness, level of control, degree of conflict, and other aspects of relationships. The identification of cases of domestic violence was carried out using the international questionnaire ICAS (International Child Abuse Screening Tool), aimed at recording various forms of abuse (physical, emotional, neglect). Statistical processing of the data was carried out using the nonparametric Mann-Whitney U-test, which is due to the peculiarities of the distribution of variables and the need to compare independent samples. The study's results revealed significant differences in parent-child relationships between families using violent parenting methods and families with constructive interaction patterns. Mothers who use violence are characterized by lower levels of subjective satisfaction with their relationships with their adolescents and lower levels of authority. Fathers who use violence typically score low on the severity parameter, indicating a lack of norms, rules, and boundaries in their

relationships with their adolescents. The findings of this study can be used to develop programs for psychological and pedagogical support for parents in violence prevention programs.

FOR CITATION: Vasyagina, N. N., Gradinar, E. V. (2026). Peculiarities of Parent-Child Relationships in Families That Use Violence Against Children. In *Pedagogical Education in Russia*. No. 1, pp. 294–301.

Введение

Исследования детско-родительских отношений занимают ключевое место в психологической науке, сохраняя свою научную актуальность. С позиций психологической науки детско-родительские отношения выполняют фундаментальную личностно-формирующую функцию. В процессе онтогенеза они обеспечивают становление когнитивной сферы, развитие эмоционально-волевой регуляции, формирование ценностно-нормативной базы личности.

Описывая особенности отношений между родителем и ребенком, Л. С. Выготский считает, что родители должны быть наблюдателями, которые корректно направляют и регулируют самостоятельную деятельность ребенка в нужные моменты, и отмечает, что «взаимодействие людей определяет взаимодействие функций» [3, с. 5], что приводит нас к выводу о том, что социальная природа ребенка корректируется, направляется и регулируется именно родителем. Отмечая фундаментальное значение детско-родительских отношений в развитии личности, американский психолог С. Мадди рассматривал детско-родительские отношения как решающий фактор и базу формирования различных элементов жизнестойкости [14, р. 6]. О. А. Карабанова отмечает, что детско-родительские отношения выступают базой для развития ключевых психических новообразований в онтогенезе подростка. Качество построения детско-родительских отношений формирует и направляет вектор психического развития ребенка в условиях следующих альтернатив развития:

1. Генезиса первой социальной потребности в общении и надежной привязанности к близкому взрослому против формирования тревожной ненадежной привязанности и несформированности потребности ребенка в общении.

2. Формирования базового доверия к миру, оптимистической картины мира и жизнестойкости против ухода, враждебности, агрессии, пессимизма и высокой уязвимости ребенка к факторам риска развития [7, с. 104].

Нарушение отношений в диаде «ребенок – родитель» ведет к негативным последствиям для каждого участника таких отношений. Для подростка проявление негативного отношения со стороны родителя приводит к формированию «невротической личности», которая проявляется низким самоуважением, повышенной тревож-

ностью, а также проявлением страха потери объекта привязанности [16].

Под негативным отношением в нашей работе рассматривается понятие насилия. И. Г. Малкина-Пых под насилием понимает любой поступок или способ поведения, результат которого усматривается в управлении мыслями, чувствами и поведением другого человека против его желания и воли [9].

Последствия для личности ребенка, переживающего насилие:

1. Отсутствие доверия к людям. Если в семье присутствует один или несколько видов насилия (пренебрежение нуждами ребенка, психического, физического или сексуального характера), то ребенок избирает избегающий лишним контактов стиль поведения, протестное поведение.

2. Отсутствие границ личности: ребенок не может отделить свои желания от желания других, легко поддается внушению; не умеет говорить «нет»; не понимает, когда и как надо защитить себя в случае применения насилия; не чувствует, где переходит границу дозволенного в отношениях с другими людьми.

3. Постоянное перенапряжение нервной системы. Неблагополучие и напряжение, которые испытывает ребенок, рождает импульсивность в поведении или апатию.

4. Снижение способности к пониманию, различению и осознанию чувств и эмоций [10].

Также к последствиям применения насилия по отношению к ребенку в условиях детско-родительских отношений относят агрессивное поведение. В исследованиях С. А. Беличева, Е. Н. Волкова, Е. М. Вроно и др. было выявлено, что существует взаимосвязь жестокого обращения с детьми и асоциального поведения жертв насилия.

А. В. Саночкина, Н. Н. Васягина и К. Браун провели исследование по выявлению типологических особенностей самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к своему ребенку, и выяснили, что условно данное отношение можно разделить на 5 категорий:

1. Санкционирующие насилие как одобряемый метод воспитания.

2. Насилие как проекция негативного отношения к себе и ребенку.

3. Насилие как способ проявления избегающей привязанности.

4. Насилие как способ компенсации невзаимности.

5. Не санкционирующие насилие, ис-

пытающиеся вину за его эпизодическое применение.

Ядром абьюзивного отношения в ходе данного исследования было выявлено самосознание матери, которое определяет причину проявления абьюза по отношению к ребенку [11, с. 13].

Исходя из приведенного материала, была выделена цель исследования – выявить особенности отношений в диаде «родитель – ребенок», в семьях, применяющих насилие по отношению к ребенку. Объектом исследования выступают детско-родительские отношения. Предмет исследования – насилие в детско-родительских отношениях.

Материалы и методы исследования

Методы сбора эмпирических данных:

1. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» (И. М. Марковская), в котором применен перекрестный метод исследования каждого участника детско-родительских отношений и содержатся две параллельные формы: для родителей и для детей. Текст опросника включает 10 шкал – критериев для оценки взаимодействия родителей с детьми.

2. Для исследования насилия в детско-родительских отношениях использовался опросник ICAST-P, предназначенный для оценки поведения родителей и разработанный в 2006 г. сотрудниками Австралийского университета (г. Брисбан) и Университета штата Колорадо под руководством профессоров В. Macfarlane, D. Runyan и M. P. Dunne. Адаптация методики для российской выборки произведена Е. Н. Волковой с учетом всех психометрических требований, предъявляемых к процедуре, что подтверждается опубликованными сведениями о ее валидности и надежности [5, с. 79].

Процедура проведения исследования с помощью опросников группы ICAST требует около 30–40 минут. Общее время диагностирования занимает 60 минут. В данном исследовании использовался непараметрический критерий Манна-Уитни, который позволил оценить степень выраженности показателей в особенностях детско-

родительских отношений в двух основных группах выборки: детско-родительские отношения с применением насилия и детско-родительские отношения без применения насилия.

В исследовании приняли участие 106 семей, отобранных методом случайной выборки, проживающих на территории Республики Саха (Якутия). Возраст детей – младшие подростки от 11 до 14 лет. Возраст родителей – от 32 до 61 года. По составу семьи выборка представлена следующим образом:

- полная семья – 63 (60 %);
- неполная семья – 43 (40 %).

По составу семьи выборка представлена следующим образом:

- семьи с 1 ребенком – 37 (35 %);
- семьи с 2 детьми – 36 (34 %);
- многодетные семьи – 33 (31 %).

Информированное согласие было получено от всех субъектов, участвовавших в исследовании.

Результаты исследования и их обсуждение

Одной из ключевых характеристик экспериментального плана нашего исследования особенностей детско-родительских отношений является анализ двусторонней обратной связи между родителем и ребенком. Такой подход позволил сформировать комплексную и объективную оценку детско-родительских отношений, а также сопоставить субъективное восприятие каждого участника детско-родительских отношений с субъективным восприятием другого.

В ходе исследования описаны детско-родительские отношения с субъектной позиции матери. Наиболее выраженной характеристикой материнского поведения является принятие ребенка, что отмечено у 83 % респондентов. Принятие ребенка отражается в безусловном положительном отношении к ребенку. Также для матерей характерна авторитетность (74 %), что свидетельствует о восприятии собственных воспитательных действий как значимых, ценных и влияющих на ребенка.

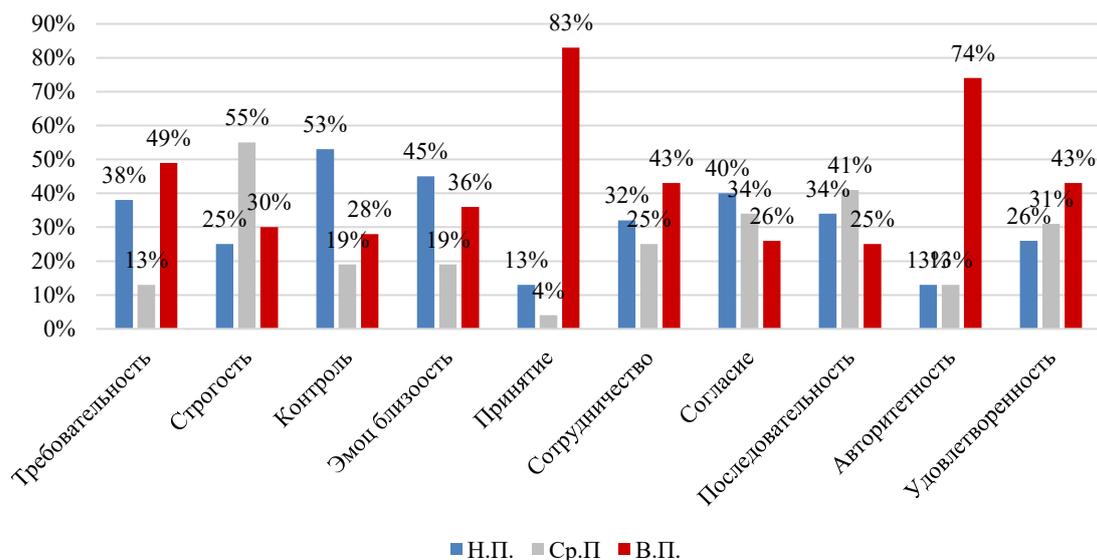

Рис. 1. Особенности детско-родительских отношений с позиции матери

Половина всех респондентов имеют следующие качества:

1. Автономность (53%). Данная поведенческая характеристика проявляется в сниженном контроле действий ребенка, допущении высокой степени поведенческой автономии, ориентации на формирование самостоятельности и ответственности. Наблюдаемый паттерн может интерпретироваться как сознательная родительская стратегия, направленная на развитие личностной автономии ребенка.

2. Требовательность (49%). данное свойство отражает в поведенческом аспекте четкую систему ожиданий и требований, установление явных поведенческих границ и правил, наделение ребенка ответственностью. Отражается материнская ориентация

на дисциплинарную модель воспитания.

3. Эмоциональная дистанция (45%) – отражает субъективно ощущаемое снижение эмоциональной близости матерей со своим ребенком. Респонденты считают, что существует сниженная частота доверительного обмена личными переживаниями. Это может быть связано со специфичностью и особенностью развития младших подростков, когда подростки начинают выстраивать эмоциональные отношения со сверстниками. В этом случае родитель не всегда готов к таким изменениям и может воспринять новые паттерны поведения подростка как изменения в структуре родитель – ребенок. Также этот параметр может отражать дефициты эмоциональной компетентности матерей.

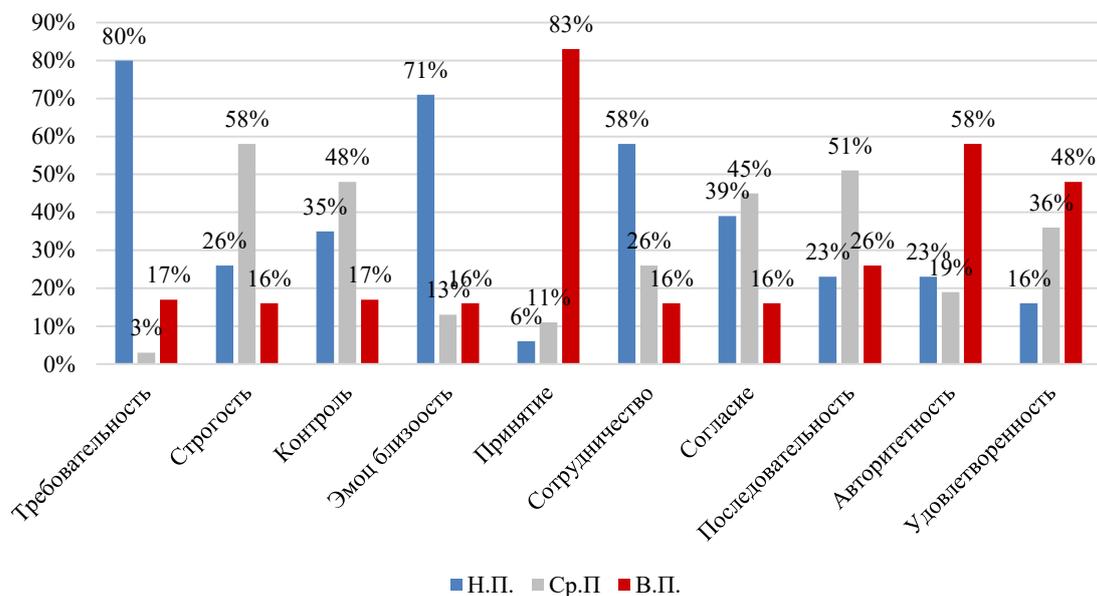

Рис. 2. Особенности детско-родительских отношений с позиции отца

С точки зрения отцовской позиции наиболее выраженной характеристикой является принятие ребенка, что отмечают 83 % респондентов. 71 % отцов отмечают низкий уровень эмоциональной близости со своим ребенком. Это значит, что отцы считают, что в отношении характеризуются эмоциональной отдаленностью, отсутствием доверительных отношений и ограниченной открытостью ребенка. 80 % респондентов отмечают, что для них характерна в отношении со своим ребенком низкая требовательность. Этот показатель может говорить о наличии страха нарушения эмоционального контакта с ребенком, однако в отношении подростка может выразиться в отсутствии четких поведенческих ориентиров, риске формирования низкой саморегуляции и трудности усвоения социальных норм.

При этом более половины респондентов характеризуются следующими чертами:

1. Авторитетность (58 %). Отцы считают, что те решения, которые принимаются ими в отношениях со своими детьми, имеют значимость и могут оказывать влияние на ребенка. Возникает субъективное ощущение авторитетности у отцов перед ребенком, которое выражается в том, что действия, слова и поведение, направленные на ребенка, имеют значение.

2. Отсутствие сотрудничества (58 %). В данном случае отцы не склонны учиты-

вать личность ребенка при взаимодействии, не учитываются желания и интересы ребенка. Это значит, что во взаимоотношениях со своим ребенком отцы предпочитают ориентироваться на собственные нормы, ожидания и потребности, без учета норм, ожиданий и потребностей ребенка. Отношения строятся с позиции «сверху вниз». Такая политика отцов может служить причиной формирования негативных последствий в рамках детско-родительских отношений.

Высокие показатели и сочетание таких параметров, как «высокий уровень принятия ребенка» и «низкий уровень эмоциональной близости», могут служить признаком эмоционального дуализма в диаде «отец – ребенок», в рамках которого отец понимает и принимает собственные эмоции и отношения, но не может понять и принять эмоции своего ребенка. На это также косвенно указывает наличие высоких показателей по параметру «отсутствие сотрудничества», что отражает дефицит кооперации в отношениях отцов с ребенком.

В ходе исследования (рис. 3, 4) субъективных оценок подростков, характеризующих особенности взаимоотношений с каждым из родителей, выявлено, что подростки демонстрируют существенные различия в восприятии отношений с матерью и отцом, отражающие специфику построения отношений в диаде «родитель – ребенок».

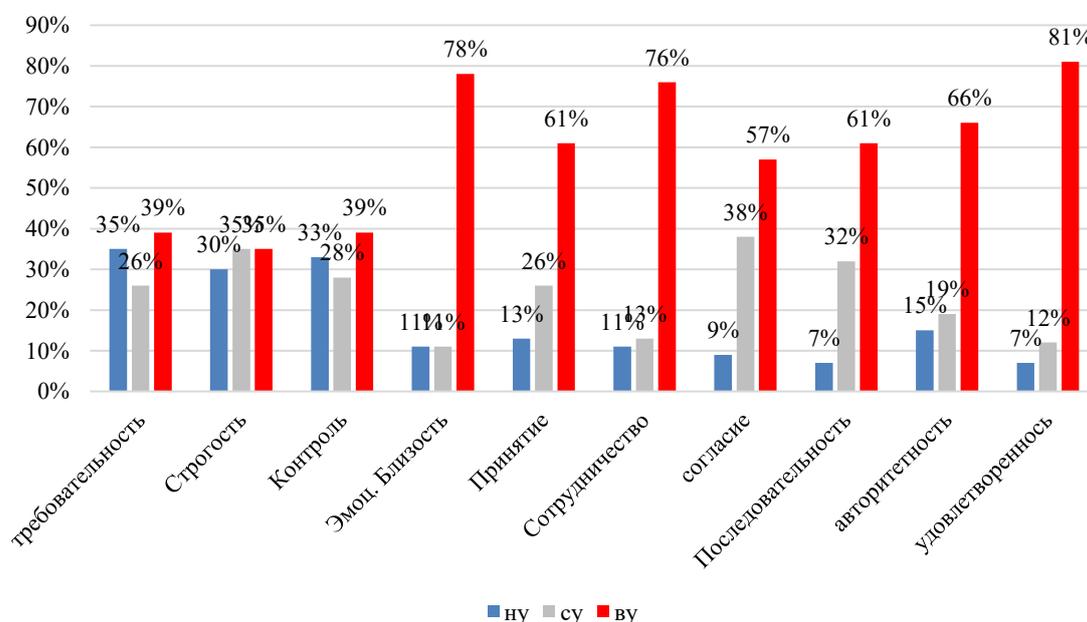

Рис. 3. Особенность детско-родительских отношений с матерью с позиции ребенка

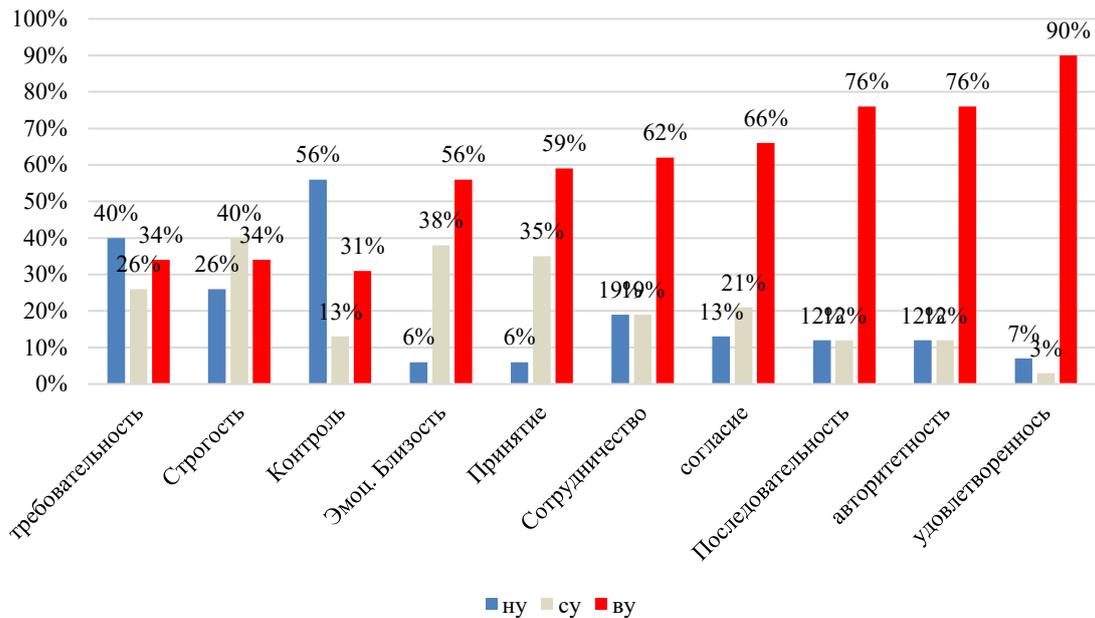

Рис. 4. Особенность детско-родительских отношений с матерью с позиции ребенка

Отношения «подросток – мать» характеризуются следующими особенностями:

1. Эмоциональная близость (78 %). Подростки отмечают удовлетворенность аффективным аспектом отношений с матерью, доверительность и эмоциональное принятие со стороны матери.

2. Сотрудничество (76 %). Подростки отмечают, что в отношениях с матерями способ взаимодействия выражается в склонности к совместному принятию решений. Матери учитывают интересы и потребности подростков в рамках построения отношений.

3. Удовлетворенность отношениями (81 %) как интегральный показатель гармоничности взаимоотношений.

Для отношений с отцом более характерны следующие черты:

1. Последовательность (76 %). Подростки отмечают, что в отношениях с отцом они воспринимают взаимоотношения в рамках стабильных требований и ожиданий, для подростков характерна предсказуемость реакций отцов.

2. Авторитетность (76 %). Для подростков характерно восприятие фигуры отца в отношениях как значимой. Подростки отмечают, что реакции отца могут оказывать влияние на их решения и действия.

3. Удовлетворенность (90 %). Сравнивая субъективное восприятие отношений подростков с родителями, можно отметить, что матери воспринимаются как источник эмоциональной поддержки, а отцы ассоциируются с социальной регуляцией и стабильностью.

Существуют расхождения в особенности восприятия отношений между матерью и детьми, в эмоциональном компоненте: если ребенок удовлетворен и считает, что

близок с матерью, то мать этого не чувствует и говорит о чувстве эмоциональной дистанции. Дети чаще отмечают сотрудничество в отношениях, чем матери, но реже говорят об авторитетности матери в словах.

Существуют расхождения в особенностях восприятия отношений между ребенком и отцом. Подростки чаще отмечают сотрудничество в отношениях, чем отцы. Удовлетворенность в отношениях с отцом у подростков выше, чем у отцов по отношению к детям.

Для выявления значимых различий в субъективном восприятии отношений в диаде «родитель – ребенок» в семьях, использующих и не использующих насилие по отношению к ребенку, нами был использован метод статистической обработки результатов данных исследования при помощи программы SPSS Statistics 27.0. Использовался непараметрический критерий Манна-Уитни для независимых выборок. У-критерий Манна-Уитни – это непараметрический статистический критерий, использующийся для сравнения выраженности показателей в двух несвязных выборках. В качестве группирующей переменной выступило наличие или отсутствие насилия в детско-родительских отношениях. Значение считается значимым, если показатели статистической значимости ниже, чем $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,001$.

Результаты проведенного статистического анализа выявили достоверные различия между двумя группами матерей:

1. Авторитетность ($U = 747,000$; $p \leq 0,05$). Матери, не использующие насильственные методы воспитания, воспринимают себя как значимую фигуру, способную оказывать влияние на поведение и решения подрост-

ков. Для них характерна уверенность в положительной оценке со стороны ребенка. Они осознают свою роль как референтного лица в системе детско-родительских отношений. Матери, применяющие насильственные практики, испытывают трудности во взаимодействии с подростком, так как не могут оказать влияние на поведение и реакцию подростков; демонстрируют неуверенность в своей родительской компетентности; фиксируют отсутствие устойчивой позиции как значимого взрослого для ребенка.

2. Удовлетворенность ($U = 657,000$ при $p \leq 0,001$). Матери, не использующие методы насилия в семье, более удовлетворены своими отношениями с детьми. Это свидетельствует об общем уровне благополучия, отсутствии конфликтов и нарушений в системе родитель – ребенок.

Статистическая обработка данных показала, что существуют значимые различия в детско-родительских отношениях между отцами, не использующими насилие, и отцами, использующими насилие, по следующему критерию:

1. Строгость ($U = 80,000$ при $p \leq 0,05$). Это говорит о том, что отцы, которые не используют насильственные методы в отношениях с детьми, считают себя более строгими по отношению к детям; систематически устанавливают четкие правила и границы поведения. Для них характерно последовательное применение дисциплинарных мер воздействия на подростка, а также осознанное формирование систем требований к ребенку. Для отцов, использующих насилие, характерно отсутствие устойчивой системы поведенческих норм и правил, они демонстрируют непоследовательность в применении воспитательных мер, а также оказываются неспособными к систематическому поддержанию дисциплины.

Не было выявлено статистически значимых различий в особенностях взаимодействия родитель – ребенок у детей, отмечающих насилие по отношению к себе, и у детей, не отмечающих насилие по отношению к себе. Это может быть обусловлено

следующими причинами:

1. Дети дают социально положительные ответы в вопросах о своих родителях.

2. Насилие как паттерн поведения родителя усвоен как «норма поведения», дети не воспринимают его негативный фактор, используют механизмы защиты от данного вида воздействия.

Заключение

Подводя итоги исследования и описывая особенности детско-родительских отношений в семьях, для которых характерно применение насильственного воздействия в отношении подростков, можно выделить следующие аспекты:

1. Субъективное восприятие матери себя в рамках отношений с подростком характеризуется низкой авторитетностью. Мать субъективно оценивает свою способность влиять на подростка как недостаточную, также наблюдается дефицит признания родительского авторитета со стороны ребенка (по оценке матери). Отсутствует уверенность в своей роли как значимого регулятора поведения и ценностей подростка. Также для матерей, применяющих насильственные методы, характерна более низкая оценка удовлетворенности детско-родительскими отношениями, по сравнению с матерями, не применяющими насильственные методы.

2. Для отцов, применяющих насильственные методы воспитания, характерно отсутствие норм, правил, границ и последовательных требований в отношениях с подростком. Такие отцы более либеральны, а дисциплинарные методы применяют хаотично и незакономерно.

3. Субъективное восприятие отношений с родителями у подростков, переживающих насилие в детско-родительских отношениях, не отличается от подростков, не переживающих насилие. Это может быть связано с тем, что насилие воспринимается как усвоенная «норма», адекватная реакция родителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аптикиева, Л. Р. Последствия психологического насилия для разных возрастных категорий / Л. Р. Аптикиева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2020. – № 1 (224). – С. 6–13. – DOI: 10.25198/1814-6457-223-6. – EDN RUPQBX.
2. Васягина, Н. Н. Особенности самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку / Н. Н. Васягина, А. В. Саночкина. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2024. – 242 с. – EDN GOPHMZ.
3. Выготский, Л. С. Педология подростка. Психологическое и социальное развитие подростка / Л. С. Выготский. – Санкт-Петербург : Питер, 2022. – 224 с.
4. Вяткина, Н. В. Газлайтинг как вид психологического насилия в детско-родительских отношениях / Н. В. Вяткина, Е. А. Боброва, Д. А. Гремякина // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – 2020. – Т. 1. – С. 53–61. – EDN OUMOPX.
5. Галстян, М. Н. Профилактика насилия и жестокого обращения с детьми / М. Н. Галстян, Н. А. Переломова // Работа социального педагога в школе и микрорайоне. – 2016. – № 6. – С. 65–102.

6. Заидова, Г. Р. Эмоциональное насилие как форма психологического насилия в детско-родительских отношениях / Г. Р. Заидова, И. Н. Андреева // *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя С. Псіхалага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія, методька*. – 2024. – № 1 (63). – С. 58–64. – EDN FXZICJ.

7. Карабанова, О. А. Семейное психологическое консультирование – теория, практика, образование / О. А. Карабанова // *Национальный психологический журнал*. – 2010. – № 1 (3). – С. 104–107. – EDN NXUVAN.

8. Личностные предикторы осознанного материнства / Ю. Н. Галагузова, Е. О. Мазурчук, Н. И. Мазурчук, Е. А. Югова // *Педагогическое образование в России*. – 2025. – № 2. – С. 327–337. – EDN JJNKHP.

9. Малкина-Пых, И. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях / И. Г. Малкина-Пых. – Москва : Эксмо, 2008. – 928 с. – EDN QXUPKP.

10. Модель работы с семьями, где имеется риск нарушения прав ребенка вследствие употребления родителями алкоголя / составители С. П. Борзов, Н. В. Захарова, Е. В. Мальгина, О. Л. Цыбанова ; под редакцией Т. Ю. Шаховой. – Издание 3-е, перераб. – Череповец : Череповец, 2023. – 234 с.

11. Саночкина, А. В. Типологические особенности самосознания женщин, применяющих насилие по отношению к ребенку / А. В. Саночкина, Н. Н. Васягина, К. Браун // *Психология. Психофизиология*. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 5–13. – DOI: 10.14529/jpps220301. – EDN TSHQRQ.

12. Социально-психологическая реабилитация женщин и детей, пострадавших от домашнего насилия : учебно-методическое пособие. – Барнаул, 2012. – 50 с.

13. Harre, R. *Personal being: A theory for individual psychology* / R. Harre. – Oxford : Blackwell, 1983. – 299 p.

14. Maddi, S. R. *Hardiness: Turning stressful circumstances into resilient growth* / S. R. Maddi. – Springer Science ; Business Media, 2012. – 88 p.

15. Risk assessment of child-parent relationships for abuse prevention : Annual report 2023 / British Psychological Society. – London : BPS Publications, 2023. – 180 p

16. Winnicott, D. *The maturational process and the facilitating environment* / D. Winnicott. – New York : International Universities Press, 1990. – 295 p.

REFERENCES

1. Aptikieva, L. R. (2020). Posledstviya psikhologicheskogo nasiliya dlya raznykh vozrastnykh kategoriy = The consequences of psychological violence for different age categories. *Bulletin of Orenburg State University*, 1(224), 6–13. DOI: 10.25198/1814-6457-223-6. EDN RUPQBX.

2. Vasyagina, N. N., Sanochkina, A. V. (2024). Osobennosti samosoznaniya materey, primenyayushchikh nasilie po otnosheniyu k rebenku = Features of self-awareness of mothers who use violence against a child. *Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University*, 242 p. EDN GOPHMZ.

3. Vygotsky, L. S. (2022). *Pedologiya podrostka. Psikhologicheskoe i sotsial'noe razvitie podrostka = Adolescent pedology. Psychological and social development of a teenager*. Saint Petersburg: Piter, 224 p.

4. Vyatkina, N. V., Bobrova, E. A., Gremyakina, D. A. (2020). Gazlayting kak vid psikhologicheskogo nasiliya v detsko-roditel'skikh otnosheniyakh = Gaslighting as a type of psychological violence in child-parent relations. *Modern Society: Issues of Theory, Methodology, Methods of Social Research*, 1, 53–61. EDN OUMOPL.

5. Galstyan, M. N., Perelomova, N. A. (2016). Profilaktika nasiliya i zhestokogo obrashcheniya s det'mi = Prevention of violence and abuse of children. *The Work of a Social Teacher in Schools and Neighborhoods*, 6, 65–102.

6. Zaidova, G. R., Andreeva, I. N. (2024). Emotsional'noe nasilie kak forma psikhologicheskogo nasiliya v detsko-roditel'skikh otnosheniyakh = Emotional violence as a form of psychological violence in child-parent relations. *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя С. Псіхалага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія, методька*, 1(63), 58–64. EDN FXZICJ.

7. Karabanova, O. A. (2010). Semeynoe psikhologicheskoe konsul'tirovanie – teoriya, praktika, obrazovanie = Family psychological counseling – theory, practice, education. *National Psychological Journal*, 1(3), 104–107. EDN NXUVAN.

8. Galaguzova, Yu. N., Mazurchuk, E. O., Mazurchuk, N. I., Yugova, E. A. (2025). Lichnostnye prediktory osoznannogo materinstva = Personal predictors of conscious motherhood. *Pedagogical Education in Russia*, 2, 327–337. EDN JJNKHP.

9. Malkina-Pykh, I. G. (2008). Psikhologicheskaya pomoshch' v krizisnykh situatsiyakh = Psychological assistance in crisis situations. Moscow: Eksmo Publishing House, 928 p. EDN QXUPKP.

10. Shakhova, T. Yu. (Ed.). (2023). Model' raboty s sem'yami, gde imeetsya risk narusheniya prav rebenka vsledstvie upotrebleniya roditel'yami alkogolya = The model of working with families where there is a risk of violation of children's rights due to alcohol consumption by parents. 3rd edition. Cherepovets: Cherepovets Publishing House, 234 p.

11. Sanochkina, A. V., Vasyagina, N. N., Braun, K. (2022). Tipologicheskie osobennosti samosoznaniya zhenshchin, primenyayushchikh nasilie po otnosheniyu k rebenku = Typological features of self-awareness of women who use violence against a child. *Psychology. Psychophysiology*, 15(3), 5–13. DOI: 10.14529/jpps220301. EDN TSHQRQ.

12. Sotsial'no-psikhologicheskaya reabilitatsiya zhenshchin i detey, postradavshikh ot domashnego nasiliya = Socio-psychological rehabilitation of women and children affected by domestic violence. (2012). Barnaul, 50 p.

13. Harre, R. (1983). *Personal being: A theory for individual psychology*. Oxford: Blackwell, 299 p.

14. Maddi, S. R. (2012). *Hardiness: Turning stressful circumstances into resilient growth*. Springer Science; Business Media, 88 p.

15. Risk assessment of child-parent relationships for abuse prevention: Annual report 2023. (2023). London: BPS Publications, 180 p

16. Winnicott, D. (1990). *The maturational process and the facilitating environment*. New York: International Universities Press, 295 p.